

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 6, pp. 1271-1292, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 39

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1271-1292

Нойон Галдама в письменной и устной традиции монгольских народов

Эльза Петровна Бакаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бакаева Э. П., 2022

Аннотация. *Введение.* В старописьменных памятниках ойратов зафиксированы сведения об исторической личности — нойоне Галдаме (калм., ойрат. *Галдма, Галдмба*; монг. *Галдамаа, Галдамбаа*), сыне хошутского Очирту-Цецен-хана, внуке хошутского Байбагас-хана и джунгарского Батура-хунтайджи. Память о Галдаме сохранилась в устном народном творчестве ряда монгольских народов. *Цель* статьи — обобщить сведения об исследованиях, посвященных Галдаме, проанализировать причины популярности его личности в народной традиции монгольских народов и показать особенности его образа в разных жанрах фольклора. *Результаты.* Исторический персонаж — сын Очирту-Цецен-хана — известен в письменной и устной традиции монгольских народов. В биографии Зая-пандиты, составленной Ратнабадрой в конце XVII в., имеются сведения о Галдаме, есть они и в других письменных источниках. В монголоведении более ста лет известны песни о Галдаме эпического характера, записано около двух десятков легенд об этом герое. Имя Галдамы — представителя ойратской аристократии XVII в. — встречается в фольклоре ряда монгольских народов: калмыков и бурят России, ойратов западной Монголии и китайского Синьцзяна (торгутов, хошутов, олетов), а также среди алашаньских хошутов, эдзинецких торгутов во Внутренней Монголии КНР. Исследователи выявили более тридцати вариантов песен и двадцати легенд и преданий, связанных с образом Галдамы. *Выводы.* Распространение фольклорных текстов, в которых в центре стоит образ защитника родных территорий, связано с темой защиты Родины, являвшейся особенно актуальной для монгольских народов в период жизни нойона Галдамы (1635–1667), прославившегося как воин и возглавлявшего, согласно устной традиции, охрану ойратских кочевий — когда над монгольскими кочевьями нависла угроза их захвата маньчжурскими войсками, а представители монгольских этнополитических объединений собирались на съезд 1640 г., выработавший Великие законы, объявившие защиту монгольского нутука главной целью и доблестью. Значимость личности Галдамы в истории ойратов отражена в мифологизации его образа, что прослеживается в фольклорной традиции ойратов.

Ключевые слова: Галдама, ойраты, калмыки, монгольские народы, образ защитника, фольклор, письменные памятники

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бакаева Э. П. Нойон Галдама в письменной и народной традиции монгольских народов // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1271–1292. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1271-1292

Noyon Galdama in Written and Oral Traditions of Mongolic Peoples

Elza P. Bakaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista, 358000, Russian Federation).

Dr. Sc. (History), Deputy Director, Leading Research Associate

 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2022

© Bakaeva E. P., 2022

Abstract. *Introduction.* Oirat old-script texts tell us about the prominent historical figure of Noyon Galdma (Kalm., Oir. *Галдма, Галдмба*; Mong. *Галдамаа, Галдамбаа*), son of Khan Ochirtu-Tsetsen, grandson of Khan Baibagas of the Khoshuts and Khong Tayiji Erdeni-Baatar of Dzungaria. The image and memory of Galdama has been preserved in oral folklore of Mongols. *Goals.* The article attempts a review of studies to have dealt with Galdama, seeks to analyze the reasons underlying his popularity in Mongolic folklore traditions, and reveal peculiarities of the image characteristic of different genres. *Results.* The historical figure — the son of Khan Ochirtu-Tsetsen — is widely known in written and oral traditions of Mongolic peoples, e.g., Galdama is mentioned in Ratnabhadra's Biography of Zaya Pandita and other narratives. Mongolists have been dealing with epic songs of Galdama for over a century already, a total of circa twenty legends about this hero have been recorded. The seventeenth-century Oirat nobleman's name is nowadays integral to diverse Mongolic cultures, such as Kalmyks and Buryats of Russia, Oirats of Western Mongolia and China's Xinjiang (Torghuts, Upper Mongols, Olots), as well as Alasha Khoshuts and Ejine Torghuts inhabiting Inner Mongolia (PRC). So, versions of Galdma-related songs number over thirty. *Conclusions.* The dissemination of folklore texts centered around the renown protector of native territories believed to have been a skilful warrior and chieftain of border detachments is associated with the theme of homeland defense that was most urgent during the lifetime of Noyon Galdama (1635–1667) — when all Mongols faced an increasing threat of Manchu invasion, and the Congress of 1640 developed The Great Code of Laws that proclaimed defense of Mongol-inhabited domains a supreme goal and virtue. Mythologization of Galdama's image also attests to the significance of his personality in Oirat history, which can be traced in Oirat folklore heritage.

Keywords: Galdama, Oirats, Kalmyks, Mongolic peoples, image of protector, folklore, written sources

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Bakaeva E. P. Noyon Galdama in Written and Oral Traditions of Mongolic Peoples. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1271–1292. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1271-1292

Введение

Галдама — историческая личность, хошутский нойон, сын Очирту-Цецен-хана, старшего сына хошутского Байбагас-хана, являвшегося одним из пяти братьев (Бай-

багас Батур, Тумедей Уйзанг Кундулен Дургечи Убаши, Гуши, Засактуцинг Батур, Буян Хатун Батур) — «пяти барсов», сыновей нойона Хонгора [Габан Шараб 2003: 87].

В старописьменных источниках и фольклоре монгольских народов он именуется как Галдама (калм., ойрат. *Галдма*, монг. *Галдамаа*) и как Галдамба (калм., ойрат. *Галдмба*, монг. *Галдамбаа*) [Габан Шараб 2003: 88; Батур-Убаши Тюмень 2003: 130; Осорин 2015; и др.]. Известный калмыковед Г. С. Лыткин о нем писал: «Ни об одном из ойратских владельцев не осталось в потомстве столько живых, прекрасных воспоминаний, как о хошутском нойоне Галдаме, сыне Цецен-хана от брака его с дочерью зюнгарского Ердени Батур хун тайчжия¹. Галдама был рыцарь без упрека или, как выражается ойратский историк емчи² Габан Шараб, он был непогрешим даже в самых сомнительнейших поступках» [Лыткин 2003: 390–391].

Отдельные сведения о хошутском нойоне Галдаме содержатся в старописьменных источниках на ойратском (старокалмыцком) и монгольском языках [Ратнабадра 2003: 187, 190, 193, 194, 196, 205–206; Габан Шараб 2003: 103, 105; Батур-Убаши Тюмень 2003: 130; Норбо 1999: 103, 198–200, 226–227 и др.; История дурбэн-ойратов 2016: 67–68, 74; Родословная августейшего 2016: 194; и др.]. Тексты устного народного творчества, связанные с именем Галдамы, слагались, судя по их содержанию, уже со второй половины XVII в. и впервые были записаны во второй половине XIX – начале XX в. В разных регионах расселения монголоязычных народов. Так, в 1860–1861 гг. в газете «Астраханские губернские ведомости»³ были изданы «Материалы для истории ойратов» Г. С. Лыткина, которые начинались с раздела «Хошутский нойон Галдама», включавшего записанные им среди калмыков четыре песни о Галдаме и легенды об этой исторической личности [Лыткин 2003: 390–400]. А. М. Позднеев опубликовал среди образцов фольклора монгольских народов песню о Галдаме, записанную им среди дербетов Монголии (1876–1879⁴) [Позднеев 1880: 146].

¹ Правитель Джунгарского государства Эрдени Батур хунтайджи.

² Эмчи — буддийский монах-врачеватель.

³ Астраханские губернские ведомости (часть неофициальная). 1860. № 45–46; 1861. № 7, 8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26–29 (цит. по: [Лунный свет 2003: 390]).

⁴ А. М. Позднеев выехал в 1876 г. в составе экспедиции Г. Н. Потанина в Монголию и по ее завершении в 1877 г. остался в Монголии.

Свидетельством эпического характера песен о Галдаме является их содержание и восприятие народом, о чем рассказал А. М. Позднееву престарелый дербет, исполнивший ему эту песню: по его словам, в пору юности «он видел слезы, катившиеся из глаз стариков при пении этой песни» [Позднеев 1880: 146]. «Из числа записанных мною у олотов⁵ эпических песен, песня о Галдаме едва ли не самая древнейшая по происхождению, по крайней мере Галдама является старейшим из всех прочих личностей, до которых относятся эти песни» [Позднеев 1880: 146–147].

Цель статьи — обобщить сведения об исследованиях, посвященных Галдаме, проанализировать причины популярности его личности в народной традиции монгольских народов и показать особенности образа в разных жанрах фольклора.

Запись народных фольклорных текстов о Галдаме и их изучение

Самыми ранними записями песен о нойоне Галдаме явились записи Г. С. Лыткиным четырех калмыцких песен [Лыткин 2003: 390–400] и А. М. Позднеевым — одной песни западномонгольских дербетов, которая, как выяснилось в результате сравнительного исследования, включает строфы из трех разных песен записи Г. С. Лыткина

Песни, включенные в выпуск 1-й [Позднеев 1880] предполагавшегося им издания «Образцов народной литературы монгольских племен», он собирал, по его свидетельству, на обратном пути [Позднеев 1880: I], таким образом, время записи песни о Галдаме, скорее всего, 1878–1879 гг.

⁵ А. М. Позднеев пишет «олот» и имеет в виду ойратов. Он пишет: «Названию Олот я хочу придать то значение, которое придают ему сами монголы, т. е. употребляя его как нарицательное имя для всех, так называемых у нас чжунгарских поколений. Такое значение, насколько мне известно, прилагается у нас к имени Олот впервые, и хотя вопрос об имени Олот и ойратов уже неоднократно был поднимался европейскими ориенталистами, однако до сего времени он все еще не был определенно решен в европейской литературе о востоке... Достоверно только одно, что имена Ойрат и Олот никогда не были собственными именами каких-либо отдельных поколений, а были, как и теперь, нарицательными для нескольких частных родовых имен...» [Позднеев 1880: 134].

(опубликованных в 1860 г. в «Астраханских губернских ведомостях») — о прославлении нойона и о печали по нему. А. М. Позднеев приходит к выводу о том, что «все это прежде всего свидетельствует о том, что в старину каждая из этих песен порознь представляла собой отдельное целое; а затем убеждает в том, что Оло́ты уже охладели к своему эпосу и скоро забудут его точно также, как забыли свой халхасы» [Позднеев 1880: 146], и отмечает, что зафиксированная им песня «составляет похвалу Галдаме, причем в содержание ее вошло главным образом картинное описание свойств его как богатыря, с самым незначительным указанием на действительные его заслуги» [Позднеев 1880: 149].

Предания о Галдаме («Һалдман тууж») были записаны Г. С. Лыткиным в 1850-х гг. от простого калмыка Бебе из Малодербетовского улуса [Лыткин 2003: 454] и от зайсанга Малодербетовского улуса Улюмджи Джамбаева [Лыткин 2003: 455]; в период 1890–1892 гг. среди донских калмыков — И. И. Поповым (опубликовано учеными КалмНЦ РАН: [Инедиты 2021: 76–85]). Две песни о Галдаме есть в сборнике из коллекции, поступившей от К. Ф. Голстунского [Успенский 2001: 18–19; Борлыкова, Меньев 2022: 54–55], что позволяет предположить, что они были записаны этим ученым среди калмыков, не раз побывавшим в калмыцких степях [Голстунский 2014; и др.]. В 1904 г. В. Л. Котвич также зафиксировал предание о Галдаме «Һалдман тууж» среди калмыков: копия материала, хранящегося в архиве ученого в г. Кракове, имеется в архиве Калмыцкого научного центра РАН [Һалдман тууж 1904].

В 1909 г. песню и предание о Галдаме среди других материалов записал у астраханских калмыков студент Петербургского университета Номто Очиров [Очиров 2006: 63–66, 116], о чем осталось свидетельство в его отчете [Очиров 2001: 76]. Среди материалов Н. О. Очирова есть и сказка «Очр Цецн хан» [Очиров 2006: 234–239], названная по имени отца Галдамы¹. По материалам экспедиции в Западную Монголию Б. Я. Владимирцовым, среди образцов монгольской словесности также была опубликована песня о Галдамбе-баторе [Владимирцов 1926: 55; Владимирцов 2005: 210].

Песня о Галдаме была включена в выпущенный в 1937 г. в Париже сборник песен торгутов Китая, исполненных принцессой Нирджидмой во время встречи с членами французского общества друзей Востока [Dix-huitchants 1937]; в 2009 г. П. Э. Алексеева включила все эти песни в подготовленный сборник, посвященный личности Нирджидмы и ее песням [Алексеева 2009]. Примечательно, что в этих сборниках приводятся ноты к песне² [Алексеева 2009: 70].

Калмыцким историческим песням посвящена статья Б. Б. Оконова [Оконов 1984³], в которой он рассмотрел песни о Галдаме, а также Мазан-Батыре, Шуна-Батыре и наместнике ханства Убаши. В ней опубликованы в современной калмыцкой графике тексты песен о Галдаме, записанные Г. С. Лыткиным, одна песня, зафиксированная Б. Б. Оконовым в 1974 г. в совхозе «Красносельский» Малодербетовского района Калмыцкой АССР от Б. Б. Манджиевой, а также песни, опубликованные в разные годы А. М. Позднеевым [Позднеев 1880: 149–151], Б. Я. Владимирцовым⁴

² И. В. Добровольский в первом выпуске своего Азиатского музыкального журнала, вышедшем в 1816 г., опубликовал ноты песни «Мазан богатырь. О древних богатырях калмыцких», а также песни о некоем «Далма богатыре» с указанием: «Также из древних преданий» (цит. по: [Рыбаков 1897: 302]). В записанной в самом начале XIX в. песни, отражающей «древнее предание», должна была идти речь о каком-то знаменитом герое. Известно, что самым ранним преданием являлось предание о Галдаме / Галдамбе (калм. *Галдма*, *Галдмба*). Поэтому примечание И. В. Добровольского позволяет предположить, что, возможно, речь в песне шла о Галдаме, но название было записано со слов информанта с искажениями. Этот вопрос требует дополнительных изысканий. Ноты песни о Далме [Рыбаков 1897: 302] и о Галдаме [Алексеева 2009: 70] отличаются, но ведь было известно несколько песен об этом герое.

³ В 2016 г. на сайте «Nutug.ru» размещена электронная версия части статьи Б. Б. Оконова, посвященная образам Галдамы и Мазан-Батыра. Но в этой версии, опубликованной уже после ухода из жизни д-ра филол. наук Б. Б. Оконова (1941–2011), отсутствуют тексты о Галдаме, которые имелись в приложении к статье 1984 г. (см.: [Оконов 1984; Оконов 2016]).

⁴ Б. Б. Оконов привел и русский перевод песни.

¹ В тексте сказки не упоминается Галдама.

[Владимирцов 1926: 55] и составителями сборника калмыцких песен «Дуулич, теегм, дуул» [Дуулич 1958: 226]. Вышеуказанные песни о Галдаме упоминаются в «Истории калмыцкой литературы», где отмечается их связь с более ранними образцами фольклора, эпический характер, жанровая принадлежность к песням-восхвалениям (магталам) и песням-плачам [История калмыцкой 1981: 122, 123, 126, 276].

Н. Ц. Биткеев в работе о калмыцком песенном фольклоре посвящает небольшой раздел Галдаме, приводит русские переводы [Биткеев 2005: 25–27] текстов двух песен (песни-просьбы о дозволении выступить в бой и песни-плача)¹ и сведения об этом герое, а также данные о преданиях о Галдаме, бытующих среди синьцзянских ойратов, и песнях ойратов Монголии [Биткеев 2005: 27–28]. Упоминается, что еще одна песня была записана у Ц. Тюменя помощником попечителя Багацохуровского улуса М. Г. Новолетовым [Биткеев 2005: 26]². Н. Ц. Биткеев приводит сведения о публикациях, вышедших в республиканской газете «Хальмг үнн» и подготовленных синьцзянскими ойратами Ш. Норбу [Норбу 1994] и Ноосан Уланбаяром [Ноосан 1994].

В монографии монгольского ученого П. Хорло песни о Галдаме приводятся как пример эпических и лироэпических песен [Хорло 1989: 34–37]. К. Н. Яцковская, собиравшая материалы по песням монгольских народов в полевых экспедициях, отмечает, что песни о Галдаме почитаются так же, как

это было во времена экспедиции Б. Я. Владимирцова [Яцковская 1988: 7], а также что песни о Галдаме можно принять за фрагмент эпоса [Яцковская 1988: 57] (в приложении приведен текст песни «Усны эхэн Халхалзуур» [Яцковская 1988: 214, 220]). Материалы по преданиям и легендам о Галдаме упоминаются также в работе Осорин Утнасун [Осорин 2015].

Образ Галдамы рассматривался С. В. Мирзаевой [Мирзаева 2016: 313–344], которая обратила внимание на сведения о жизни Галдамы, опубликованные Ван Гао Чао [Ван Гао Чао 2012: 46], отличающиеся от приведенных у Г. С. Лыткина [Лыткин 2003: 390–400] и в сборнике «Семь звезд» [Семь звезд 2004: 126–127]. Она отмечает, что в фольклоре западных монголов и синьцзянских ойратов сохранилось много вариантов песен о Галдаме, первые варианты которых были опубликованы А. М. Позднеевым [Позднеев 1880] и Б. Я. Владимирцовым [Владимирцов 1926]. Четыре варианта этой песни С. В. Мирзаева обнаружила в сборниках песен западных монголов, одна из них приводится в оригинале и русском переводе [Мирзаева 2016: 333].

В 2018 г. в Улан-Баторе вышла в свет книга, посвященная легендам и песням о Галдамбе, авторы которой — выпускник Ховдского университета, редактор «Ежедневной газеты» (Урумчи, Синьцзян-Уйгурский автономный район (далее — СУАР) КНР) Б. Доржцэрэн и профессор Ховдского университета М. Ганболд — опубликовали тексты и варианты песен [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 41–64] и легенды [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 64–106] о Галдамбе, предварив их исследовательской частью о собранных фольклорных текстах [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 20–40]. Этот труд является крупным вкладом в изучение и сохранение фольклорного наследия ойратских народов, связанного с Галдамой. Несомненной удачей явилось соавторство исследователей — представителей двух стран, в которых расселены ойраты: Б. Доржцэрэном были собраны тексты, имевшие хождение среди ойратских народов Китая. В приложении к этой работе дан ойратский текст калмыцкой легенды о Галдаме, записанный в 1904 г. В. Л. Котвичем, из научного архива Калмыцкого научного центра РАН, приведена ее запись на

¹ Н. Ц. Биткеев указывает, что песня «Пока вороной конь от езды не утомился», перевод которой он приводит, сохранилась в записи от нойона С. У. Тундутова. Поэтому можно сделать вывод, что источником послужила песня, записанная Г. С. Лыткиным у нойона Санджи-Убуши Тундутова и опубликованная в его «Материалах для истории ойратов» [Лыткин 2003: 391, 453]. Вторая песня также повторяет опубликованную Г. С. Лыткиным [Лыткин 2003: 400], за исключением того, что имя Гак эмчи не упоминается [Биткеев 2005: 26–27].

² Эта песня, таким образом, также основана на публикации Г. С. Лыткина, который пишет: «Сообщена владельцем Хошутского улуса нойоном Церенчаб Тюменевым. Эта песня положена на ноты М. Г. Новолетовым, помощником попечителя Багацохуровского улуса» [Лыткин 2003: 452].

кириллице, выполненная Д. Б. Гедеевой и переведенная на монгольский язык авторами. Таким образом, книга явилась результатом сотрудничества исследователей трех стран, в которых расселены ойратские по происхождению народы.

В недавно вышедшей публикации Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева приводятся тексты двух песен из сборника калмыцких песен из коллекции К. Ф. Голстунского [Борлыкова, Меняев 2022: 54–55].

В соответствии с целью нашей статьи проанализируем итоги проведенных к настоящему времени исследований, предварив анализом сведений о Галдаме из письменных источников.

Сведения о Галдаме, зафиксированные в старописьменных источниках, в контексте общей ситуации в ойратском нутуке

Сведения, приводимые Г. С. Лыткиным о Галдаме, восходят к старописьменному памятнику, известному источнику — «Биографии Зая-пандиты», составленной в конце XVII в. [Ратнабадра 2003], в которой не раз упоминается хошутский нойон Галдама как герой и защитник ойратских кочевий.

А. М. Позднев писал: «Галдама не был князем — правителем улуса, от того биографию его было бы бесполезно искать в истории олетских владетельных нойонов. Илэтхэл Шастра¹ издания Цянь-луна, подробно перечисляющая роды олетских князей, упоминает только, что Галдама был сыном хошоутовского Цэцэн-хана, родившимся от старшей супруги его, бывшей дочерью чжунгарского Батур-хун-тайчжия; кроме сего мы не имеем от китайцев никаких определенных сведений о Галдаме, и если находим указания о его деятельности, то единственно в олетской биографии Зая Пандиты» [Позднеев 1880: 146–147].

¹ Речь идет об официальном историческом труде цинского периода «Генеалогические таблицы и биографии вассальных монгольских и мусульманских ванов и гунов, составленные по императорскому указу», монгольская версия которого называется «Jarliy-iyar toytaγsan γadaγadu Mongγol Qotong ayimaγ-un wang gūng-ūd-ūn iledkel šastir» «Высочайше утвержденные родословные и биографии ванов и гунов Внешней Монголии и Туркестана» (краткое название «Илэтхэл-шастир») [Санчилов 1990: 21].

Включение сведений о Галдаме в «Биографию Зая-пандиты» объяснимо уже тем, что он являлся не просто современником ойратского просветителя, но и внуком Байбагас-хана, направившего на учебу в Тибет (вместо себя или сына) одного из восьми сыновей Баабахана — будущего Зая-пандиту [Лунный свет 2003: 364] (согласно Габан Шарабу, Байбагас «усыновил хутухту» [Габан Шараб 2003: 91]), что в будущем определило особые отношения проповедника и двух сыновей Байбагаса. Но и сама личность Галдамы была достойной включения сведений о нем в летопись о Зая-пандите и ойратах его времени, так как сын Цецен-хана прославился своими подвигами с юности. Так, согласно «Биографии Зая-пандиты», в 17-летнем возрасте Галдама (Галдамба) принимал участие в походе Цецен-хана на «бурутов», где одержал победу над Янгир-ханом [Ратнабадра 2003: 187] — это событие имело место в 1652 г. Хан Янгир (в другом написании Жангир, 1610–1652), которого в народе называли «Салкам Жангир» («Внушительный, могучий Жангир») был сыном Есым-хана, правил казахами в 1643–1652 гг. и погиб в битве казахов с хошутами Цецен-хана [Кельдыбеков 2022: 69]. «Слава приветствовала Галдаму на военном поприще: он победил Янгирхана, одного из первейших богатырей, которого тюркские племена воспевают в своих песнях. Современные ойратские историки и летописцы на память потомству записали славный подвиг Галдамы, а отец, Цеценхан, в знак особенного своего доверия поручил ему охранять Ойратский нутук от набегов бурутов, хасак-ков (киргиз) и бухарцев. С этого времени, т. е. с 1652 года до самой кончины своей, 1667 года, Галдама бодро стоял на страже Ойратского нутука, кочуя между реками Таласу, Чуем (Цуу) и Или; сыновья лучших людей (зайсангов) следовали за ним и защищали его своим мечом и грудью, дорожа дружбой и одобрением молодого храброго своего нойона Галдамы и наградой его матери Сулумца хатун» [Лыткин 2003: 392].

«Биография Зая-пандиты» содержит еще несколько эпизодов, в которых Галдама показывает доблесть и мудрость. В 1657 г. Галдамба и Аблай способствовали примирению джунгар, расколовшихся на две партии в результате междоусобицы [Ратнабадра 2003: 190; Норбо 1999: 78]. Раздоры не

прекращались и между двумя братьями — сыновьями Байбагас-хана — Цецен-ханом и Аблаем [Лыткин 2003: 396; Норбо 1999: 80–81; и др.]. Галдама зачастую выступал в роли посредника между отцом и дядей. В 1658 г. он одержал победу над бухарским полководцем Абуду Шукуром, возглавлявшим 38 тыс. воинов, пленил 300 передовых воинов [Ратнабадра 2003: 190], в 1660 г. проявил себя во время противостояния Аблая и Цецен-хана [Ратнабадра 2003: 193–194] и затем во время осады Аблая в его монастыре после решения Цецен-хана о примирении с братом поехал в укрепленный монастырь в сопровождении 4–5 человек, чему возрадовались находившиеся в осаде ойраты [Ратнабадра 2003: 196].

Галдама пользовался поддержкой простых людей. Ш. Норбо дает следующий комментарий: «Галдамба, безоружный, в сопровождении всего лишь трех своих дружинников отправился в лагерь к Аблаю для ведения переговоров и вновь способствовал примирению двух сторон. Известие о заключении мира ойратские воины и простые ойраты встретили криками „ура“, бросая вверх шапки. Они выражали свою большую радость по этому поводу и говорили: „Взошло солнце нашей счастливой жизни“» [Норбо 1999: 200].

В «Биографии Зая-пандиты» также сообщается, что Цецен-хан прислушивался к мнению Галдамы [Ратнабадра 2003: 196].

«Родословная августейшего Чингис-хана, родословная ойратов и родословная хошутов», как и другие письменные памятники ойратов, сообщает о происхождении Галдамы, что он младший сын Цецен-хана [Родословная августейшего 2016: 194]. «История дурбэн-ойратов» отмечает, что Галдама подчинил своей власти хотонов [История дурбэн-ойратов 2016: 67–68], и называет его «правителем хошутов» [История дурбэн-ойратов 2016: 74].

В «Сказании о дербен-ойратах» Габан Шараб упоминает поступок Галдамы, с тремя безоружными приближенными воинами вмешавшегося в противостояние между Цецен-ханом и Аблаем [Габан Шараб 2003: 103]. Летописец восхваляет и благородные помыслы Галдамы, намеревавшегося все свои улусы отдать своему приближенному Малай Хашхе, что не позволил сделать ему отец [Габан Шараб 2003: 105], более того,

он включает Галдаму в список ойратских владельцев, о которых народная молва считала, что они не имели с малолетства пороков [Габан Шараб 2003: 105].

Осенью 1667 г., «когда Галдамба скончался на [реке] Биджи, по нему было отслужено множество заупокойных служб. (Его тело) было немедленно предано сожжению, а прах отправлен в Баруун Тала (Тибет). (Вместе с прахом Галдамбы) в Баруун Тала был направлен посланец, чтобы получить благословение (от Далай-ламы). Когда (Далай-лама) прочитал благословение [т. е. поминальную молитву] и осмотрел прах, то [оказалось, что] на месте сердца (у Галдамбы) была кость, своей формой похожая на сердце (jirūken metū yason). (Далай-лама) завернул ее в платок-хадак, подержал в руках и, подув на нее, сказал: „У доброго человека сердце такое же твердое, как кость (sain kūtūn yason jirūke-tei)“. Когда (у Далай-ламы) спросили: „Где переродится душа (Галдамбы)?“ — то он ответил: „Она [уже] переродилась в тэнгрия“» [Норбо 1999: 103].

В старописьменном памятнике «Родословная монголов» говорится, что Галдан-Бошогту, узнав о том, что скончался Галдама, также «совершил поминальные обряды по Галдамбе и выехал вместе с Мэргэн-ламой [в Тибет]» [Родословная монголов 2016: 156]. Мэргэн-лама (или Мэргэн-Келемурчи) был одним из высокопоставленных буддийских монахов, которого не раз направляли к Далай-ламе по самым важным делам, он был в составе посольства, которое доставило кремированные останки тела Зая-пандиты в Тибет, где они виделись с Галданом [Ратнабадра 2003: 201]. Таким образом, погребальный обряд, проведенный после кончины Галдамы, свидетельствует также о его очень высоком статусе.

В. П. Санчиров в примечании к тексту старописьменного памятника дает характеристику нойона: «Галдама... прославился в народе как великий воин и миротворец, не жалевавший усилий для улаживания конфликтов внутри ойратского общества» [Письменные памятники 2016: 218], и отмечает: «Умер от болезни в молодом возрасте в 1667 г.», — хотя в примечании указывает источники [Лыткин 2003: 390–400; Норбо 1999: 199–200]. Однако о болезни в молодом возрасте упоминает только Ш. Норбо в комментариях к тексту «Биографии Зая-пан-

диты». Г. С. (Юрий) Лыткин в «Материалах для истории ойратов» прямо пишет, что Галдама был отравлен, будучи больным, по указанию его мачехи Уде Агас, Гаком-эмчи, который приготовил для больного напиток с ядом [Лыткин 2003: 398–399].

События указанного периода, несомненно, связаны с общей ситуацией, сложившейся на территориях кочевания монгольских народов. В первой трети XVII в. ойраты и монголы принимали активное участие в событиях в Тибете. Согласно старописьменному памятнику «Родословная монголов», на съезде 1640 г. было решено выставить объединенное войско ойратов под руководством Гуши для защиты «желтой веры» [Письменные памятники 2016: 13–134]. С другой стороны, существовала угроза маньчжурского завоевания, известно, что в 1636 г. южномонгольские территории уже были включены маньчжурами в зону своего непосредственного влияния [Ермаченко 1974: 67–69], и в связи с этим фактом на съезде ойратских и монгольских князей и духовенства 1640 г. в принятых Великих законах первая статья была посвящена необходимости объединения монголов и ойратов в случае нападения на государство, вторая — наказанию совершивших нападения на приграничные районы, следующие две статьи — разделению представителей разных монгольских групп, а в пятой статье говорилось: «В случае нападения неприятеля на Монголию или Ойратию — дать известие. Если кто из владетельных князей пограничных районов, услышав это известие, не выступит (против неприятеля), то взять с него сто панцирей, сто верблюдов и тысячу лошадей; если не выступит невладетельный князь, то взять с него десять панцирей, десять верблюдов и сто лошадей» [Их цааз 1981: 14].

В этот период контакты между территориями расселения разных групп ойратских народов были весьма тесными, несмотря на значительные расстояния. В 1640 г. в съезде ойратских и монгольских князей и духовенства принимали участие, наряду с другими князьями, прибывшие из калмыцких кочевий Хо-Урлюк, его сыновья Шукур-Дайчин, Эльдэн [Их цааз 1981: 13]. Представители откочевавших на Волгу ойратов (калмыков) принимали участие в объединенном войске, выступившем в Тибет по решению съезда. В

последующие годы продолжались столь же активные связи. Так, согласно «Биографии Зая-пандиты», летом 1654 г., когда Аблай в местности Баланайин-Усун-Худжир¹ построил свой монастырь [Ратнабадра 2003: 188], Галдама вместе с Сономом (внуком Аблая-тайши) и Сутаем прибыли к Аблайинкит, где в гостях у тайши находились Зая-пандита и Шукур-Дайчин, — для того, чтобы «навестить (Шукур)-Дайчина» [Норбо 1999: 74]. Устроены были большой пир и гуляние, затем Шукур-Дайчин, пригласив Ойратский большой монастырь Зая-пандиты приехать «к торгутам» (т. е. в волжские кочевья), возвратился домой; «Галдамба тоже, сказав, что его нутуг остался без хозяина, быстро возвратился домой» [Норбо 1999: 226–227]. В «Биографии Зая-пандиты» упоминается, что после кончины проповедника Галдамба совершил паломничество в ойратский Большой монастырь для поклонения статуе Зая-пандиты, привезенной туда от Далай-ламы и освященной в 1663 г. [Ратнабадра 2003: 205–206].

Таким образом, сведения из старописьменных памятников свидетельствуют не только о весьма знатном происхождении Галдамы — внуке Байбагас-хана хошутского, но и о высоком статусе Галдамы в обществе как защитника Ойратского нутуга, почитании его и уважении к нему со стороны ойратских владельцев и духовенства, близких отношениях его с представителями аристократии разных ойратских народов и этнических групп.

Образ Галдамы в народных песнях монгольских народов

Первые записи народных песен о Галдаме выявили жанровые характеристики песен, которые отмечались и Г. С. Лыткиным, и последующими исследователями [Лыткин 2003; Позднеев 1880; Владимирцов 1926; Хорло 1989; Оконов 1984; Биткеев 2005; Мирзаева 2016; Доржцэрэн, Ганболд 2018].

Все четыре песни, зафиксированные Г. С. Лыткиным, представляют последовательно части картины эпического повествования о богатыре Галдаме. Строфы трех из них, как констатировал А. М. Позднеев, проведя сравнительный анализ, входили в

¹ Ныне территория Уланского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

песню «Усны эхэнд Хонхолзуур» («У истоков реки на выстойке его Хонхолзур»), записанную им среди дербетов Монголии [Позднеев 1880: 149–151] и имеющую множество вариантов, записанных среди ойратских народов [Мирзаева 2016: 332]. Важно отметить, что, по мнению А. М. Позднеева, записанная им песня — «едва ли не самая древнейшая по происхождению» среди эпических песен [Позднеев 1880: 146].

Первая песня подобна эпическому зачину, в котором происходит «самовыбор» богатыря (т. е. он проявляет инициативу), обращающегося с просьбой о разрешении выступить в поход. В этой песне «Хар мөрн эцэд угад¹» («Пока мой вороной не утомился от езды»), записанной Г. С. Лыткиным у малодербетовского нойона Санджи-Убуши Тундутова [Лыткин 2003: 453], Галдама обращается с просьбой-мольбой к хану-отцу за разрешением выступить в поход против неприятеля: *Аав. Таль би, шурһнав би...* «Отец, Пусти меня, я нападу...» [Лыткин 2003: 391; Оконов 1984: 32].

Вторая из записанных Г. С. Лыткиным песня «Хаадудын үүднд» («У дверей ханов», т. е. на страже ханов)² посвящена описанию Галдамы, одетого в военные доспехи, с колчаном, полным стрел, за спиной, окруженного соратниками, следующими за ним. В строфах песни заключены слова, сходные с клятвой богатырей, в которых говорится о приучении боевых коней к походу, а богатырей — к битве: *Дөңн шарһан чөдртнь дасхсн, Дөңн баатран Дэснднь дасхсн* [Лыткин 2003: 392]. В переводе: «Четырехгодовалого солового заставим привыкать к треножнику, сорок богатырей заставим привыкать к битве с врагами, причем богатыри, как в эпическом сказании, сопоставляются с соколами и ястребами: *Начн шоңхран хундгнь дасхсн* („Соколов и ястребов заставим привыкать брать лебедей“ (т. е. приучим к битве с врагами)» [Лыткин 2003: 392–393].

В песнях, зафиксированных А. М. Позднеевым среди дербетов Монголии и Б. Я. Владимирцовым среди торгутов Монголии³, говорится более конкретно — не

о богатырях, а о дербен-ойратах: *Гунахан зээрдээги чөдөртөни дасхасан, гурбун ойрадыйги дайсундуни дасхасан, эркин төрөсөн Галдама мини! Дөнөкөн шаргайги чөдөртөни дасхасан, дөрбөн ойрадыйги дайсундуни дасхасан эркин төрөсөн Галдама мини!* — «Приучивший к путам трех-летнего рыжку, приучивший к врагам трех ойратов, благородный Галдама мой! Приучивший к путам четырех-летнего соловко, приучивший к врагам четырех Ойратов, благородный Галдама мой»⁴ [Позднеев 1880: 149–151]; «Гунхн шарһан чөдртән дасхәсн, гурwхн нөкдән сурһалдән дасхәксн; дөңңкн шарһән чөдртән дасхәксн, дөрwхн нөкдән сурһәлдән дасхәксн, еркм сән төрөксн Галдмбә бәтр!» [Владимирцов 1926: 55] — «Трехлетнего солового коня к треноге приучивший, трех сотоварищей к наукам приучивший; четырехлетнего солового к треноге приучивший, четырех сотоварищей к наукам приучивший, благородный от рождения Галдамба богатырь!»⁵.

Песня является восхвалением-магталом героя, что характерно для эпического повествования. В записанной А. М. Позднеевым песне «Усун-ни экин-дү Хонхолзуур ни солгойтой» («При истоках воды на выстойке его Хонхолзур») более развернуто дано описание богатырской мощи Галдамы, говорится о том, что он сотрясает стрелами в колчане, потряхивает ружьем с фитильным замком, стреляет так, что может раздробить берцовую кость дикой лошади, прострелить насквозь вооруженного человека, герой подобен клыкам верблюда, быстрому нападению кречета, молнии в открытой местности, и за ним следуют благородные друзья — сыновья князей, его войско [Позднеев 1880: 146–151].

В отличие от сюжетно-композиционной структуры эпических песен, в песне о герое Галдаме отсутствует активное разворачивание «образцов монгольской словесности» песню № 114 относит к разделу «наречие торгут» [Владимирцов 2005: 145], т. е. приводит сведение о том, что песня записана на торгутском наречии, на котором говорят торгуты в Булгане Кобдоского края.

⁴ Перевод текста, записанного А. М. Позднеевым, сделан им же.

⁵ Перевод текста, записанного Б. Я. Владимирцовым, приведен здесь по: [Оконов 1984: 54].

¹ Тексты, записанные Г. С. Лыткиным, приводятся в современной калмыцкой орфографии.

² Эта песня также сообщена Г. С. Лыткину нойоном Санджи-Убуши Тундутовым [Лыткин 2003: 453].

³ Поскольку Б. Я. Владимирцов в «оглавлении»

ние сюжета, описание битвы. Тем не менее, как отмечал П. Хорло, «композиция песни очень близка к композиции эпического сказания» [Хорло 1989: 35]. Но в песнях, записанных А. М. Позднеевым и Б. Я. Владимирцовым, все же зафиксировано сведение о противостоянии бурутам (казахам) и киргизам: «Хас кўнъгэй нутук чини эзэн ўга дўнгэчи харакданай, хасак бурут хойор чини Эльдэн-дэн отбо, Эркин төрөсөн Галдама мини» («Родное кочевье твое Хасъ-кўнъгэй без правителя возбужденным кажется, Киргизы и Буруты твои ушли к Эльдэну, благородный Галдама мой!») [Позднеев 1880: 150–151]; «Хашкң-Jel нутўк харлң дўнгғайт хоцрwа, Хаск Бурут хојіріні јелдндāt, јелдндāt одwа» [Владимирцов 1926: 55] («Кочевье твое Хашкун-гел, потемнев, осталось возвышаться (пустым, без хозяина), казахи и буруты ушли к Елдену»).

Еще одна песня, как пишет Г. С. Лыткин, «сообщена владельцем Хошутского улуса нойоном Церенчжаб Тюменевым¹» [Лыткин 2003: 453], она продолжает тему представления героя через его описание на эпическом пиру — это песня «Бербенгин тотъ шовун» («Птица-попугай из Брайбуна»). В тексте содержится призыв присоединиться к пиру, на котором восседает чудесный Галдама, умеющий повелевать: *Һаахмжтә Һалдма Һанц сәәхн зәрлгтә* («Чудный Галдама, возбуждающий удивление, Обладает чрезмерно дивным повелением (силою красноречия)» [Лыткин 2003: 393–394].

Вариант этой песни о Галдаме, в которой представлена картина пира богатырей, также имеется в коллекции К. Ф. Голстунского, хранящейся в рукописном отделе библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского университета (шифр Сalm В12, инв. № 1753, текст опубликован в: [Борлыкова, Меняев 2022: 54]), в сборнике песен, датированном 1857 г. [Успенский 2001: 1854]. Один из вариантов этой песни — «Берин бенз тотъ шовун» — записан Номто Очировым [Очиров 2006: 116].

Опубликованная Б. Б. Оконовым калмыцкая песня «Эркм сән төрсн Һалдма» («Благородный Галдама», в переводе Б. Б. Оконова — «От рожденья славный, о

Галдама») [Оконов 1984: 36; Оконов 2016] является вариантом песни «Хаадудын үүднд» («У дверей ханов»), в ней говорится о военных доспехах Галдамы, повторяются строфы об ожидающем героя коне и о его соратниках, обученных наукам. В приложении к статье исследователь также привел текст песни из раннего сборника калмыцких народных песен [Дуулич 1958: 226], в которой соединены строфы из других песен о Галдаме, восхваляющие героя и выражающие печаль по его гибели. В сборник «Төрсн һазрин дуд» («Песни родной земли») его составитель Б. Б. Оконов включил песню о Галдаме «Хаадудын үүднд» [Төрсн һазрин дуд 1989: 31].

Таким образом, перечисленные песни можно отнести к эпическим песням, которые могут быть представлены как части эпического повествования, характеризующие представление богатыря и его коня, эпический пир, а также самовывдвижение богатыря и его просьбу о благословении на поход. К. Н. Яцковская отмечала по отношению к песне о Галдаме, что ее текст близок эпическому сказанию и напоминает фрагмент улигера [Яцковская 1988: 57].

Отметим, что в песнях упоминается конь героя, но отсутствует прославление его стати, подобно эпическим песням, главное внимание отводится Галдаме. В легендах находится объяснение этому. Так, в легенде, записанной Ноосан Уланбаяром (названной улигером), повествуется о сюжете добычи коня герою. Выбор коня Галдамой с разрешения богача, в табуне он выбирает находящегося за ограждением горбатого коня (цит. по: [Доржжэрэн, Ганболд 2018: 89–90]).

Последняя же из записанных Г. С. Лыткиным песен о Галдаме относится к песням-плачам [Лыткин 2003: 400]. Она явно была сложена вскоре после гибели Галдамы и отражает горе и страдания его отца, Цецен-хана, потерявшего сына. В песне говорится о конкретных эпизодах возмездия врачевателю, погубившему Галдаму, за содеянное. Вместе с тем в песне-плаче центральной мыслью является уникальность героя-богатыря, которого невозможно восстановить и заменить так, как сменяется все в живом мире.

Среди песен-плачей о Галдаме выделяется ранняя запись в сборнике 1857 г. из

¹ Т. е. Серебджабом Тюменем, участником Отечественной войны 1812 г., командиром второго Астраханского калмыцкого полка, основателем знаменитого Хошеутовского хурула.

коллекции К. Ф. Голстунского (публикация текста: [Борлыкова, Меньев 2022: 55]), в котором соединены куплеты песни о коне Хонхолзуре, говорится об отправлении в поход и далее куплеты, в которых упоминаются не только скорбящий отец, но и его невестка, супруга Галдамы.

Песни о Галдаме были распространены не только среди калмыков России и дербетов, торгутов Монголии. Как отмечали исследователи, они бытуют у других ойратов Монголии: «Тексты не развернуты. Куплетов много. Каждый куплет состоит из трехстишия. Очевидно, песни о Галдме сочинялись сразу после смерти Галдмы. Есть справедливое предположение профессора Норбу из Синьцзяна, который считал, что песни о Шоно-Батыре слагались как о рождении Галдмы» [Биткеев 2005: 28].

Б. Доржцэрэн и М. Ганболд, обобщившие материалы по песенному творчеству монгольских народов на тему Галдамы, выделяют три жанра песен об этом герое: песни-магталы (восхваления), песни-просьбы о деянии; песни, отражающие печаль отца Галдамы Цецен-хана [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 20]. Исследователи отмечают, что поэтическая структура народных песен о Галдаме уникальна тем, что они составлены из древних традиционных куплетов [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 28].

Наиболее распространена среди разных ойратских народов песня «Усны эхэнд Хонхолзуур», в которой прослеживаются признаки песни-восхваления, песни-просьбы (о направлении в поход), песни-плача. Как отмечают Б. Доржцэрэн и М. Ганболд, эта песня известна под названием «Галдма баатар» среди хошуты Монголии, под названием «Усны чинь эхэнд Хонхолзуур зээр» — дербетам Монголии, «Хаш хүнгээ нутаг» — баитам Монголии, «Галдамбаа баатар» и «Усны чинь эхэнд Халхалзуур» — захчинам Монголии, «Усны чинь эхэнд Холхолзуур» — алтайским урянхайцам Монголии, «Хаш хөнгөс нутаг», «Хаш хүнгээ нутаг» и «Хан Хэнтэй нутаг» — эдзинецким ойратам (торгутам) в Алашани (КНР), «Арван Гуравтай Галдмаа», «Ар дээрээ алттай» — алашаньским ойратам (торгутам) Китая, «Галдамбаа бүргэдийг хайсан (эрсэн) дуу» — синьцзянским торгутам Китая, «Нарийн хэр морь», «Алтан шар тал» — кукунорским хошутам. Под на-

званиями «Галдмаа», «Галдамаа» песня известна среди российских калмыков, бурят, а также синьцзянских ойратов Китая (один из вариантов записан среди илийских олетов). Много вариантов песни-магтала среди хошуты, баиты, дербеты, алтайских урянхайцев, захчинов, торгутов и хотонов Монголии [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 20–21, 41–64].

Б. Доржцэрэн и М. Ганболд к исследованию привлекли, как они пишут, 31 песню о Галдаме, из которых 11 записаны среди ойратов Монголии: 1 — у хошуты, 3 — у дербетов, 1 — у баиты, 1 — у алтайских урянхайцев, 2 — у захчинов, 2 — у торгутов, 1 — у хотонов. Среди ойратов Китая — 14 песен, из них у торгутов Внутренней Монголии записаны 4 песни, среди торгутов Синьцзяна — 5, среди хошуты Китая — 2, олетов — 1, алтайских урянхайцев — 1, 1 песня зафиксирована Е. И. Кычановым. Среди российских калмыков, по подсчетам вышеуказанных авторов, записаны 5 песен о Галдаме, среди бурят — 1 [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 20–21]. Однако, как уже отмечалось, кроме 5 песен, опубликованных Г. С. Лыткиным и Б. Б. Оконовым, у калмыков были записаны песни о Галдаме К. Ф. Голстунским, Н. О. Очировым и другими исследователями.

Таким образом, песни о Галдаме распространены среди всех ойратских народов, а также среди бурят. При этом записано 8 песен-магталов, из них 1 — среди бурят, 2 — среди калмыков, 2 — среди синьцзянских ойратов, 2 — среди алашаньских ойратов, 1 — среди эдзинецких ойратов [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 22]. Бытующие среди ойратов Внутренней Монголии песни называются «Хан Хэнтэй нутаг» («Кочевье Хан Хэнтэй»), Хэнтэйское нагорье расположено на северо-востоке Монголии. Кроме того, в песне говорится о 13-летнем Галдаме, находящемся под покровительством правителя: *Арван гурван настай Галдма Эзэн сулдээ өршөөдөг Галдмаа* («Благословленный сулдэ Владыки 13-летний Галдама») [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 23].

Песен-просьб, посвященных Галдаме, Б. Доржцэрэн и М. Ганболд насчитали всего 3, из них две записаны в Синьцзяне, одна — среди алашаньских ойратов [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 24–25]. Исследователи отмечают, что недостаточно изучен

вопрос о бытовании этого жанра песен о Галдаме среди российских калмыков, бурят, а также среди монгольских ойратов [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 26]. При этом не учтен факт: среди самых ранних записей песен о Галдаме, сделанных среди калмыков, Г. С. Лыткин зафиксировал прежде всего песню-мольбу Галдамы о выступлении в поход — это песня «Хар мөрн эцэд угад» (Пока мой вороной не утомился от езды) [Лыткин 2003: 391; Оконов 1984; Оконов 2016; Мирзаева 2016].

Песня-плач о Галдаме зафиксирована среди российских калмыков, а также среди синьцзянских ойратов. Б. Доржцэрэн и М. Ганболд считают, что вопрос бытования этого жанра песен о Галдаме в других регионах расселения монгольских народов остается недостаточно изученным [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 27]. Таким образом, делают вывод монгольские ученые, «Песня-плач Цэцэн-хана была записана в СУАР КНР и в Калмыкии (Россия). Не установлено, что песни такого же содержания исполнялись в Монголии и российской Бурятии. Поэтому можно сделать вывод о том, что песни-магталы, песни-мольбы и песни-плачи о Галдамбе имели распространение в СУАР КНР и в российской Калмыкии. Но песня-магтал широко распеваётся и в Монголии и среди бурят России» [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 27].

Особенности образа Галдамы в легендах и преданиях

Роль личности Галдамы в жизни ойратского общества XVII в. определила появление устных историй о его деятельности и подвигах, ставших основой сложенных о нем преданий и легенд. Как отмечал Ш. Норбо, автор замечательной книги о «Биографии Зая-пандиты», «О Галдамбе еще в наше время среди дурбэн-ойратов бытует множество легенд и преданий» [Норбо 1999: 200]. Действительно, кроме зафиксированных исторических фактов в историко-литературных памятниках на ойратском «ясном письме», известны предания и легенды о Галдаме. Отдельные из них были записаны: так, зафиксированные у калмыков стали известны в пересказе Г. С. Лыткина [Лыткин 2003: 390–400], в записи В. Л. Котвича [Галдман тууж 1904], И. И. Попова [Инедиты 2021: 72–85, 228], Н. О. Очирова [Очи-

ров 2006: 63–66]. Тексты, в которых одним из действующих героев является Галдама, записаны и в более поздние годы: сказка о Галдаме опубликована в сборнике текстов, записанных от С. Бутаева [Буутан Санжин 2008: 209–214]; в сборнике фольклорных текстов, зафиксированных Т. С. Тягиновой, также имеется предание о Галдаме, названном Галдман [Тягинован амн урн 2011: 30–34].

Кроме текстов о самом Галдаме, он упоминается и в преданиях о других исторических личностях. Так, в предании о Мазан-батаре говорится, что он откочевал на Волгу, поссорившись с сыном Цецен-хана — Галдамой [Очиров 2006: 49]. В фольклорных текстах упоминаются представители рода Галдамы: в одной из сказок, записанных Н. О. Очировым, правителем ханства является Очр-Цецен-хан, сказка названа его именем [Очиров 2006: 234–239]. В предании о Галдаме, зафиксированном этим же ученым, говорится: *Дөрвн өөрдн хан нойон Хонһр, түүнэ көвүн Бээвһэстн, түүнэ көвүн Цецен хан, түүнэ көвүн Галдма болдг* ‘Хан дербен-ойратов — нойон Хонгор, его сын Байбагас, его сын Цецен-хан, его сын — Галдма’¹ [Очиров 2006: 63], т. е. фольклорный текст начинается с изложения генеалогической линии Галдамы. Благодаря записи² И. И. Попова предания «Ахин тавн Барсин тууж» («О пяти братьях Барсах») [Инедиты 2021: 98–100], сохранилось свидетельство того, что в калмыцком фольклоре бытовал сюжет о пяти сыновьях Байбагас-хана хошутского, одним из которых являлся Кунделен-Убаши (о нем говорится в сохранившейся в архиве И. И. Попова части предания), другими — Очирту-Цецен-хан, Аблай, Сэнгэ. В сказании о Пунцок-хане Галдама предстает как его старший сын, таким образом, устная традиция калмыков превращает его в старшего брата Аюки-хана [Сенглеев 2019: 165].

Легенды и предания о Галдаме в записи от синьцзянских ойратов стали известны с 1980–1990-х гг. Ноосан Уланбаяр опубликовал легенды в альманахе «Хан-тэнгэр» (Урумчи) [Галдамбаа баатрин 1989], а затем в калмыцкой газете «Хальмг үнн» [Ноосан 1994]. Эти и другие тексты о Галдаме

¹ Перевод Э. П. Бакаевой.

² К сожалению, в архиве исследователя сохранившейся не полностью.

анализировались Осорин Утнаш [Осорин 2015]. Легенды ойратов Китая, записанные и опубликованные китайскими исследователями в разных изданиях, как и легенды монгольских ойратов, опубликованы в книге Б. Доржцэрэна и М. Ганболда [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 64–106].

Г. С. Лыткин описал личность Галдамы на основе известных ему письменных памятников и записанных им среди калмыков преданий. А. М. Позднеев среди характеристик, зафиксированных Г. С. Лыткиным, обращает внимание на следующую «...сыновья лучших людей (зайсангов) следовали за ним и защищали его своим мечом и грудью, дорожа дружбой и одобрением молодого храброго своего нойона Галдамы» [Лыткин 2003: 392; Позднеев 1880: 149]. Из текста Г. С. Лыткина [Лыткин 2003: 390–400] составитель сборника калмыцких легенд и преданий выделил два предания: одно — о примирении враждующих отцов Галдамой и его двоюродным братом Цаганом [Семь звезд 2004: 328–329], другой — о гибели Галдамы [Семь звезд 2004: 126–127]. Оба предания близки историческим фактам и отражают реальные события, происходившие в ойратском обществе.

В предании, названном «Күүкн Галдман тууж» («История о маленьком Галдаме») [Инеднты 2021: 72–85], датированном «1890–1892 гг.» и записанном от донского калмыка А. Мукёвюнова, излагаются исторические факты, относящиеся к жизни Галдамы: участие в битвах с противниками, их завоевание, ранний уход из жизни (в 33 года), победа над Абдар Шюкюром [Инеднты 2021: 76, 80]. Основное содержание предания сводится как к повествованию о ратных подвигах Галдамы, так и к утверждению о его миролюбивости: большая часть сюжетной линии посвящена поединку и последующему побратимству с «татарским» (так в переводе¹: [Инеднты 2021: 80]) богатырем Салвстаром, сыном Аг Буры [Инеднты 2021: 76–79]. Отправным для этой сю-

жетной линии является факт, соответствующий историческому, о котором осталось свидетельство в «Биографии Зая-пандиты»: победа Галдамы в 1658 г. над бухарским полководцем Абуду Шукуром [Ратнабадра 2003: 190], прикочевавшим к ойратским кочевьям у реки Талас с 38 тыс. воинов и потерпевшим поражение в битве с 3 тыс. воинами Галдамы, пленение 300 передовых воинов Абуду Шукура [Лыткин 2003: 394].

Однако в конце XIX в. в предании уже появляется «канва», которая будет развита в записанных позднее легендах о Галдаме. Она выражается в появлении мотива перерождения Галдамы как сына Хормусты, который появляется в мире людей на 33 года, чтобы завоевать 13 владений, и должен вернуться обратно в верхний мир по прошествии этого времени. При этом в предание вводится сюжет о попытках возрождения Галдамы буддийскими монахами под давлением скорбящего отца, Цецен-хана, и о временном возвращении в тело Галдамы сына Хормусты для объяснения происходящего земному отцу и убеждения в необратимости происшедшего [Инеднты 2021: 79–80, 84–85].

В записи В. Л. Котвича мотив рождения Галдамы в мире людей как перерождения небожителя получает дальнейшее развитие: он назван перерождением божества Окн-тенгри, после его смерти лама молитвами пытается усыпить вновь пробудившуюся Окн-тенгри, для этого Цецен-хан и его супруга должны хранить молчание, но они радостно вскрикивают при виде ожившего Галдамы, и он исчезает, так как просыпается божество, во время сна которого он являлся среди людей [Галдман тууж 1904: 9; Доржцэрэн, Ганболд 2018: 127]. В этом предании упоминаются «калмыцкие богатыри», к которым относится и Галдама (на состязании халимагууд Галдмааг гаргана ‘калмыки выставляют Галдаму’ [Галдман тууж 1904: 6; Доржцэрэн, Ганболд 2018: 123]). Центральным событием в этом фольклорном тексте является победа над ханом Абдар Шюкюром (мангадын² хан Авдар-шүхэр) и о побратимстве с богатырем по

¹ В оригинале и Абдар Шюкюр, и богатырь Салвстар названы *маңһд*. В калмыцко-русском словаре дано значение «татарин» [КРС 1977: 342]. Но этот этноним в калмыцком языке относится к татарам и ногайцам. Абдар Шюкюр же был бухарским полководцем, поэтому, вероятно, в данном контексте *маңһд* означает тюркоязычный народ.

² *Маңһд* — калм. ‘татарин, ногаец’. В тексте ойратском также использован термин «мангад». Но речь идет о бухарском военачальнике, поэтому в переводах «Биографии Зая-пандиты» он назван узбекским [Норбо 1999: 78].

имени *Дүлээ хар баатар*. Это соответствует уже упоминавшемуся факту о разгроме Галдамой войска бухарского Абуду Шукура [Ратнабадра 2003: 190], а также тому, что у Галдамы были два приближенных богатыря по имени Дюлий хашиг и Маля хашиг [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 123] или Малай Хашха [Габан Шараб 2003: 105].

Следующим по времени записи среди калмыков стало предание, зафиксированное Номто Очировым [Очиров 2006: 63–88]. В его итоге говорится о победе над «татарским» (*маңһд*) ханом [Очиров 2006: 65] после 49 дней битвы, в которой участвуют 333 воина Галдамы, его приближенный Дюля Хашха и *Галдман Ганц баатр* ‘Одинокый богатырь Галдамы’. Сюжетная линия приписывает победу над казахским войском Ганц батору, что возмущает Галдаму, направлявшемуся с войском против казахов. Вводная часть повествует о генеалогической линии Галдамы. Предание включает описание обычаев, характерных для исторического периода жизни этого нойона: так, правитель противоборствующей стороны, прикочевавший к границам ханства Галдамы, пытается принести в жертву знамени богатыря Галдамы [Очиров 2006: 65]. В целом предание не содержит мифологических моментов, которые зафиксированы в текстах о Галдаме И. И. Поповым и В. Л. Котвичем.

Тексты, записанные среди калмыков в XX в., свидетельствуют о сохранении отдельных мотивов, относящихся к историческому преданию о Галдаме. Так, в сказке «Галдаман» сюжет завязан на интригах махехи, губящей сына своего мужа от первого брака. В сказке содержится мотив попытки воскрешения умершего сына и исчезновения появившегося богатыря после восклица отца, несмотря на запрет буддийских священнослужителей, проводивших в течение 49 дней обряд [Тягинован амн урн 2011: 30–34].

Сказочный сюжет характерен и для записанного от С. Ш. Бутаева текста «Галдм баатр», в котором повествуется о жившем в далекие времена Галдаме и его товарищах Танх баторе и Темян баторе и появлении Ганц батора [Буутан Санжин 2008: 209–214]. В сказке сохраняется память о том, что Галдама был сыном Цецен-хана и о его удивительных способностях как воина, но утрачен эпический характер.

Н. Ц. Биткеев, рассмотрев легенду о Галдаме по публикации Ноосан Уланбаяра [Ноосан 1994], отмечал, что только среди синьцзянских ойратов в легендах распространена тема Галдамы как сына Хормусты-тенгрия: «Мифизированы и во многом иначе трактуются предания о Галдаме синьцзянскими калмыками: Галдма — сын хана Хормусты, а не Цецен-хана» [Биткеев 2005: 27]. Этот вывод был сделан исследователем, так как он не был знаком с записями И. И. Попова, хранящимися в Государственном архиве Ростовской области [ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. № 13809. Л. 16–20об. (цит. по: [Инеднты 2021: 228])] и с рукописью В. Л. Котвича из научного архива КалмНИЦ РАН [Галдман тууж 1904]. Записи исторических преданий о Галдаме, выполненные этими исследователями в конце XIX – начале XX в., свидетельствуют, скорее, не о сходных процессах в развитии исторических преданий о Галдаме у ойратских по происхождению этнических групп в разных концах Евразии, а о том, что уже в XVIII в., когда предки синьцзянских ойратов (торгутов, хошутов) и калмыков России являлись частями одного этноса, составлявшего население Калмыцкого ханства (ликвидировано в 1771 г. в связи с откочевкой большей части народа в Центральную Азию), сложился мифологический мотив перерождения небесного тенгрия в мире людей в облике Галдамы. И основание этому мифологическому мотиву находится в историческом факте: Далай-лама после совершения погребальных обрядов объявил, что Галдама переродился в мире тенгриев [Норбо 1999: 103].

Среди ойратских народов Монголии и Китая зафиксировано большее число легенд и преданий о Галдаме. Во многих из них имеется мифологический мотив не просто высокого социального происхождения Галдамы, а его образа как перерождения сына Хормусты-тенгрия, что соответствует вариантам, зафиксированным у калмыков.

В легенде о появлении Галдамбы на земле, записанной среди карашарских хошутов (СУАР КНР), говорится о деяниях Хормусты, который делает подношение через воскурение «золотым можжевельником» и аршаном в золотом сосуде, после чего аршан превращается в озеро, и о деяниях деда Галдамы Хашийн-хана, совершавшего подношения, творившего молитвы, следствием

чего явилось процветание его кочевья; Цецен-хан становится во главе сильного государства, поддерживаемый советником Хунгум-заячи (*Хунгуй заяачи*) и двумя приближенными богатырями — *Төлэй хашиг* и *Малай хашиг*. Единственный сын стареющих родителей Галдамба одерживает победу над миллионным (*10 бум цэрэг*) войском Авдаршюхэра [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 64–66], имя которого позволяет идентифицировать его с реальной исторической личностью, бухарским полководцем (у Г. С. Лыткина — Абуду Шукур [Лыткин 2003: 394], в «Биографии Зая-пандиты» — Авдаршюкюр [Норбо 1999: 78], в записи И. И. Попова — Абдар Шүкур [Инеднты 2021: 76], в транслитерации Авдар Шюкюр [Инеднты 2021: 80]).

Тема победы над Авдар Шюкюром зафиксирована также в легендах карашарских хошутов о рождении скакуна Хонхолзура и похода за Ахай Шавдал [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 66–68], о благословении Хунгум-заячи похода против врагов [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 68–75], в записанной среди хар-усунских торгутов (СУАР КНР) легенде «Как Галдамба победил Авдар Шюкюра» [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 96–97]. В тексте, зафиксированном среди баянгольских торгутов, Абдар Шюкюр упоминается как казахский богатырь, а в легенде карашарских хошутов — как правитель хотонов (т. е. тюркского народа) [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 84, 72]. Переводчики ойратского текста «Биографии Зая-пандиты» этого военачальника называют узбекским [Норбо 1999: 78].

В ойратских легендах в качестве противников, с которыми борется Галдама, выступают и другие богатыри: Сартагтай, Сардамба, Сартаг [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 84, 92, 94]. Возможно, все три варианта имени восходят к одному историческому прообразу, победа над которым прославила Галдаму. Речь идет о Янгир-хане (Жангир-хане, 1610–1652), победу над которым одержал Галдама в 17-летнем возрасте, и которого называли *Салкам Жангир-хан* ‘Храбрый, могучий или внушительный Жангир-хан’ [Кельдыбеков 2022: 69, 71]; считается, что Жангир-хан получил это звание после Орбулакской битвы в 1643 г., где одержал победу над джунгарами. Так, в легенде «Как Галдамба убил Сардамбу у озера

Сайрам» говорится, что события разворачивались к западу от ойратских кочевий, у озера Сайрам, там же скончался и Галдамба [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 93]. Известно, что озеро Сайрам находится на западе территории расселения ойратов в СУАР КНР, недалеко от границы с Казахстаном. Во многих ойратских легендах Галдама действует в сопровождении двух богатырей.

Указанные сюжетные элементы свидетельствуют об историчности легенд, бытующих до настоящего времени в среде ойратов Монголии и Китая. Вместе с тем в текстах прослеживается «эпизация», которая соответствует архаическим мотивам, присутствовавшим в песнях, и получила развитие в соответствии с эпическими характеристиками.

Так, в легендах зафиксированы мотивы появления Галдамы в мире людей, а также добывания им коня. Примечательно, что в песнях о Галдаме упоминается конь героя, но отсутствует мотив его восхваления, подобно тому, как конь описывается в других эпических песнях; главное внимание отводится Галдаме. В легендах находится объяснение этому через объяснение значения имени коня — Хонхолзур. Так, в легенде (названной улигером), записанной у торгутов местности Хар-Усун (СУАР КНР) Ноосан Уланбаяром, повествуется о добыче коня герою. 15-летний Галдама — сын бедных стариков — выбирает для себя горбатого коня в табуне местного богача, но не может просто попросить отдать его. Коня он примечает в день, когда ночью на привязи у богача замерзают 900 лошадей, и только горбатый конек выделяется своей внутренней силой: потряхивая гривой, он ржет. После объявления о награде (отдать любого коня) за поимку волка, повадившегося воровать скотину по ночам, Галдама отправляется искать логово волка, находит пещеру, борется с волком всю ночь и к утру приносит к дверям богача шкуру убитого волка, за что получает своего коня. Легенда повествует, что в шутку его называли Хонхолзуром [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 88–90; Ноосан 1994] (от *хонхолзох* — 1) образоваться (об углублении, вмятине при надавливании); 2) ходить, покачиваясь, большими шагами [БАМРС 2002: 107]), и это был аранзал, предназначенный Галдаме.

В легендах зачастую упоминается наличие у скакуна Галдамы крыльев, а в фольклорном тексте, записанном среди карашарских хошуттов, конь Галдамы уже получает красочное описание, достойное эпической песни: *хоёр алд хоёр тохой өндөр, хоёр тохой урт толготой, хайч хоёр урт чихтэй, туур адил хоёр нүдтэй, хараацай хоёр живэртэй, алтан бумбын сүүлтэй, монгөн эрдэнэ дэлтэй* 'в две сажени и два локтя высотой, с головой длиной в два локтя, с длинными ушами в виде ножниц, с глазами, словно два копытца, с двумя крыльями, словно у ласточки, с хвостом, как золотой сосуд, с серебряной драгоценной гривой'¹ [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 67]. Таким образом, в легендах, сюжет которых посвящен добыванию героем коня, появляется мотив восхваления коня, достойный его эпического описания.

В ряде преданий и легенд о Галдаме присутствует тема одиночества героя: он единственный сын у престарелых родителей либо остается в одиночестве, он — представитель верхнего мира в мире людей, либо Галдаму сопровождает богатырь, названный Одиноким (*Ганц баатр*), либо в текст легенды включается песня, в которой одинокий Галдама сравнивается с другими одинокими субъектами. Эта тема восходит к эпической теме одинокого в поколении культурного героя. Подтверждением подобного сопоставления Галдамы и героя эпоса ойратских народов является сюжет легенды карашарских хошуттов, в котором с благословения Хунгуя заячи Галдама на своем крылатом коне Хонхолзуре отправляется в кочевье хана Чагадаля за невестой — даги-ни Ахай Шавдал. Имя девушки полностью схоже с именем супруги главного героя героического эпоса монгольских народов — Джангара. И хотя образ Ахай Шавдал не сопоставим с образом супруги Джангара Ага Шавдал, наречение ее этим именем свидетельствует об обращении к эпической традиции ойратов.

В вариантах легенд, записанных у ойратов, прослеживается тема просьбы о разрешении выступить в поход, однако Галдама обращается не к отцу, а к Хунгую-заячи; перед выступлением в поход совершаются поклонения 7 бурханам в храме и подноше-

ния божествам [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 68–75]. Тема защиты кочевий, выраженная формулой «у дверей ханов» (*хаана үүднд*) прослеживается в мотиве принесения добычи к дверям правителя /начальника.

Таким образом, в легендах и преданиях о Галдаме, зафиксированных у монгольских народов, прослеживаются исторические сюжеты и мифологические мотивы. При этом неверно считать, что привнесение мифологического мотива рождения в мире людей Галдамы как временного появления сына Хормусты-тенгрия или Окн-тенгри является поздним: наличие этого сюжетного мотива в преданиях калмыков России и ойратов Монголии и Китая скорее свидетельствует о раннем появлении этого мотива, обусловленного историческим фактом предсказания, сделанного Далай-ламой вскоре после совершения всех погребальных обрядов по Галдаме. С появлением этого сюжетного мотива все события, которые происходили с исторической личностью — хошутским нойоном Галдамой — стали представляться как события, пережитые в земном воплощении сына Хормусты-тенгрия, который во сне приходит на землю и рождается в образе Галдамы, однако приходит время пробуждения, и земная жизнь Галдамы завершается.

С введением этого сюжетного мотива развитие эпической картины в легендах и преданиях о Галдаме, вероятно, получило импульс, и в текстах сказочной прозы появились сюжеты, связанные с восхвалением подвигов Галдамы и его богатырей, которые сравниваются с ястребами и соколами, как в эпосе монгольских народов.

Вместе с тем развитие фольклорной традиции обусловило появление легенд, связанных с определенными местностями и объяснением происхождения их названий, которые связаны с событиями жизни Галдамы. В поздней традиции сюжеты получили сказочную форму.

Ж. Доржцэрэн и М. Ганболд отмечают, что рассмотренные ими легенды о Галдаме не зафиксированы в Монголии, Бурятии. Они записаны среди калмыков и торгутов, хошуттов Синьцзяна. По мнению этих исследователей, «Легенда о Галдамбаа впервые была создана на Волге, и вероятно, что ее принесли с собой ойраты, когда откочевали обратно [на территорию] Джунгарии

¹ Перевод Э. П. Бакаевой.

в 1771 году. Потому что легенды, записанные в Синьцзяне, были зафиксированы среди хошутов Карашара и торгутов Хобуксара. ... Если бы эти легенды были созданы в Джунгарии, то среди 20 туменов хошутов (деед монголов), расселенных в Кукуноре, и нескольких тысяч хошутов Алашани и ойратов Монголии должны быть зафиксированы по крайней мере одна или две версии легенды» [Доржцэрэн, Ганболд 2018: 34].

Заключение

Как видно из проведенного анализа, образ Галдамы в письменных памятниках ойратских народов и в фольклоре этих народов отличается. В исторических источниках зафиксированы сведения об активной военной и политической роли нойона Галдамы, его доблести, мужестве и выполнении благородной функции защиты родного кочевья ойратов, родины. В песнях-восхвалениях и песнях-просьбах образ Галдамы подобен эпическому богатырю, а в песнях алашаньских ойратов Китая появляется образ нутука, связанный с Хэнтэйским нагорьем и сульдэ правителя, полученным Галдамой в 13 лет. Таким образом, в песенном жанре фольклора образ Галдамы получает эпическое звучание, и сложение разножанровых песен ойратов свидетельствует о бытовавшем процессе сложения фрагментов эпического сказания, который не был завершен в конкретных социально-культурных условиях истории ойратов.

Песни о Галдаме более широко распространены в монгольском мире: они записаны среди калмыков и бурят России, у ойратских народов Монголии и Китая (в Синьцзяне и во Внутренней Монголии).

Легенды и предания о Галдаме зафиксированы в источниках у калмыков и синьцзянских ойратов (торгутов и хошутов), что обусловило появление гипотезы о сложении их в среде калмыков и дальнейшем перенесении во время откочевки большей части народа в 1771 г. в пределы Центральной Азии на новые территории расселения. Хотя Галдама являлся хошутским политическим и военным деятелем, его деятельность распространялась на все ойратские кочевья, охрану которых он осуществлял в соответствии с наказом своего отца, Цецен-хана.

В преданиях о Галдаме содержатся отдельные данные, повествующие о реальных событиях, причем два наиболее крупных похода — против казахского Янгир-хана и бухарского полководца Абдар Шюкюра — нашли отражение как в ранних преданиях, так и в поздних легендах, где имя Янгир-хана уже не упоминается. Вместе с тем в легендах и преданиях о Галдаме появляются эпические мотивы и сюжетные линии: поиски богатырского коня (в том числе который оказывается горбатым жеребенком), выбор суженой, просьба о благословении в поход, добывание доспехов (панциря, боевого ружья), а также божества-защитника, отправление в поход с богатырями-помощниками, мотив эпического одиночества и др. Но «распадение» эпической темы привело к включению в легенды о Галдаме сказочных мотивов (борьба с мифологическими (мангасы, шулмусы и т. п.) и реальными (сизый волк) животными).

Образ Галдамы подвергся мифологизации, причем этот процесс не был связан, как можно предположить на первый взгляд, с поздними изменениями: сюжетный мотив появляется не позже первой половины XVIII в., и связан он с широким распространением в среде ойратов-буддистов заключения верховного иерарха, Далай-ламы, о свершившемся перерождении Галдамы в мире тенгриев. Этот факт не мог не найти отражения в исторических преданиях о Галдаме, которые приобрели мифологические элементы, что сделало их близкими легендам. Мотив краткосрочной жизни героя стал объясняться в легендах и преданиях длительностью мифологического сна (33 года как часть суток в верхнем мире, исчисляющихся 100 годами земной жизни, сакральное число связано с образом Хормусты) обитателей верхнего мира, которые на время спускались в мир людей в образе Галдамы.

Хошутский нойон Галдама, реальная историческая личность, прославился достойными делами. Сведения об этапных событиях его жизни и подвигах Галдамы вследствие их значимости в социально-политической обстановке ойратского мира первой половины XVII в. были включены в ставшее каноническим произведение — биографию Зая-пандиты, проповедника, почитавшегося во всех концах ойратского

мира, что также способствовало сохранению памяти.

Исторические условия в ойратском мире, имевшие место в XVII в., способствовали выдвижению лидеров, способных выполнить задачи, стоявшие перед ойратами, как в демографическом, так и в политическом отношениях находившихся на пике развития. Ойратские этнополитические объединения принимали участие в крупных военно-политических событиях в Центральной Азии, имели тесные связи с разными государствами.

Соответственно сложению эпического характера песен, которые могли стать

основой эпических сказаний, способствовали исторические условия, политические задачи, а также миссия, выполнявшаяся Галдамой, потомком старшего тайши ойратов — внуком Байбагас-хана, по охране ойратского нутука — всех кочевий ойратских народов.

Популярность в прошлом и сохранение текстов о Галдаме в разных концах ойратского мира — свидетельство о славном периоде истории ойратов, когда военно-политическая мощь их была на наивысшем уровне, и вместе с другими монгольскими народами они выступали за единение, сплоченность и защиту Отчизны.

Источники

- Батур-Убаши Тюмень 2003 — Батур-Убаши Тюмень. Сказание о дербен ойратах // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 125–155.
- Буутан Санжин 2008 — Буутан Санжин туульс (= Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2 кн. Кн. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.
- Габан Шараб 2003 — *Габан Шараб*. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 84–106.
- Халдман тууж 1904 — Халдман тууж (из архива В. Л. Котвича) // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 8. Д. 79. 10 л.
- Дуулич 1958 — Дуулич, теегм, дуул. Хальмг дуудын хураңһу / Хураж, диглэд барлснь Жимбин Б. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1958. 324 х.
- Инеднты 2021 — Инеднты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова: неказочная проза и малые жанры / пер., сост. Б. Б. Горяева, С. В. Мирзаева, Д. В. Убушиева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 424 с.
- История дурбэн-ойратов 2016 — История дурбэн-ойратов // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., перев. со старописм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 49–84.

Sources

- Basaev D. E. (comp.) The Seven Stars: Kalmyk Legends and Tales. D. Basaev (foreword,

Ратнабадра 2003 — *Ратнабадра*. Биография Зая пандиты // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 161–221.

Родословная августейшего 2016 — Родословная августейшего Чингис-хана, родословная ойратов и родословная хошутов // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., перев. со старописм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 181–240.

Родословная монголов 2016 — Родословная монголов («История происхождения монголов») // Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописм. монг., транслит. и коммент. Санчирова В. П. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 127–180.

Семь звезд 2004 — Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.

Төрскн һазрин дуд 1989 — Төрскн һазрин дуд / цуглулж, диглж, барт белдснь Окна Б. (= Песни родной земли. Старинные и современные песни. На калм. яз.). Элст: Калм. кн. изд-во, 1989. 308 с.

Тягинован амн урн 2011 — Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгэс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 230 с. (Серия «Өвкнрин зөөр»). На калм. яз.

transl., etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2004. 415 p. (In Russ.)

Buutan S. (Butaev S.) [Kalmyk] Folktales Record-

- ed from Buutan Sanji in 1971–1978. In 2 vols. Vol. 1. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2008. 308 p. (In Kalm.)
- Gaban Sharab. The History of the Oirats (Kalmyk manuscript). In: Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. Pp. 84–106. (In Russ.)
- Goryaeva B. B., Mirzaeva S. V., Ubushieva D. V. (comps., eds.) Inédites of Kalmyk Folklore from Ivan I. Popov's Archives: Non-Folktale Prose and Minor Genres. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2021. 424 p. (In Kalm. and Russ.)
- Jimbin B. (Dzhimbiev B.) (comp., ed.) Sing, My Steppe, Sing. Elista: Kalmykia Book Publ., 1958. 324 p. (In Kalm.)
- Okna B. (Okonov B.) (comp., ed.) Songs of Motherland: Old and Modern [Kalmyk] Songs. Elista: Kalmykia Book Publ., 1989. 308 p. (In Kalm.)
- Ratnabhadra. The Biography of [Ven.] Zaya Pandita. In: Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. Pp. 161–221. (In Russ.)
- The Genealogy (History) of Mongols [from Earliest Times]. In: Sanchirov V. P. (comp., text prep., etc.) Writings on Oirat History: 17th–18th Centuries. V. Tepkeev (ed.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 127–180. (In Oir. and Russ.)
- The Genealogy of Bogdo Genghis Khan, History of the Dörben (Four) Oirat, and That of the Khoshut. In: Sanchirov V. P. (comp., text prep., etc.) Writings on Oirat History: 17th–18th Centuries. V. Tepkeev (ed.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 181–240. (In Oir. and Russ.)
- The History of the Dörben (Four) Oirat. In: Sanchirov V. P. (comp., text prep., etc.) Writings on Oirat History: 17th–18th Centuries. V. Tepkeev (ed.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 49–84. (In Russ.)
- The Story of Galdma (from archives of W. L. Kotwicz). At: Kalmyk Scientific Center, Scientific Archive. Coll. 8. File 79. 10 p. (In Kalm.)
- Tyaginova T. S. Folklore Narratives Recorded from T. Tyaginova in 2004–2010. N. Ochirova (foreword), B. Goryaeva (comp., comment.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2011. 230 p. (In Kalm.)
- Tyumen B.-U. The History of the Dörben (Four) Oirat. In: Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. Pp. 125–155. (In Russ.)

Литература

- Алексеева 2009 — Принцесса Нирджидма и книга песен торгутов Китая / автор-сост. П. Э. Алексеева. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 87 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 4. Х–Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 501 с.
- Биткеев 2005 — Биткеев Н. Ц. Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 214 с.
- Борлыкова, Меняев 2022 — Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В. Калмыцкие песни, посвященные ойратской знати // Mongolica. 2022. Т. XXV. № 3. С. 51–60.
- Ван Гао Чао 2012 — Ван Гао Чао. Традиционная музыкальная культура ойратов. Элиста: Герел, 2012. 263 с.
- Владимирцов 1926 — Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской словесности. Л.: Ин-т живых вост. яз. им. А. С. Енукидзе, 1926. 2, XII, 202 с.
- Владимирцов 2005 — Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской словесности // Владимирцов Б. Я. Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005. С. 142–355.
- Галдамбаа баатрин 1989 — Галдамбаа баатрин туск домгуд // Хан тэнгэр сэтгүүл. Үрүмч. 1989. № 1. Х. 20–31.
- Голстунский 2014 — Голстунский К. Ф. Очерк поездки в Калмыцкую степь, совершенной в лето 1886 года (Подготовка к изданию, предисловие, примечания С. С. Сабруковой) // Mongolica—XII. Сборник научных статей по монголоведению. Посвящается 130-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова (1884–1931). СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 75–85.
- Доржцэрэн, Ганболд 2018 — Доржцэрэн Б., Ганболд М. Галдамбаа: дуу, домог. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2018. 128 х.
- Ермаченко 1974 — Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 196 с.
- История калмыцкой 1981 — История калмыцкой литературы. Т. 1: Дооктябрьский период / отв. ред. Г. И. Михайлов, Р. А. Джамбинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 335 с.
- Их цааз 1981 — Их цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. 148 с.

- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Кельдыбеков 2022 — *Кельдыбеков М. Б.* Роль Жангир-хана в борьбе казахского и кыргызского народов против джунгарского нашествия // Известия Алтайского университета. Исторические науки и археология. 2022. № 5 (127). С. 68–72.
- Лунный свет 2003 — Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.
- Лыткин 2003 — *Лыткин Г. С.* Материалы для истории ойратов // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / пер. с калм., ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 390–441, 453–468.
- Мирзаева 2016 — *Мирзаева С. В.* Лузанг-Шуну, Галдама и Амурсана — нойоны Джунгарского ханства // Трансграничная культура. Очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков: монография / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева и др. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016. С. 313–344.
- Ноосан 1994 — *Ноосан У.* Галдма-Баатрин туск домг // Хальмг үнн. 09.05. 1994. С. 4.
- Норбо 1999. — *Норбо .* Зая-Пандита: Материалы к биографии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Норбу 1994 — *Норбу Ш.* Галдм-Баатрин тууж // Хальмг үнн. 23.12.1994. С. 4.
- Оконов 1984 — *Оконов Б. Б.* Калмыцкие народные исторические песни XVII–XVIII вв. («Галдама», «Мазан-Батыр», «Шуна-Батыр», «На кого же оставил нас Убаши?») // Калмыцкая народная поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. С. 30–58.
- Оконов 2016 — *Оконов Б. Б.* Калмыцкие народные исторические песни XVII–XVIII вв. «Галдама», «Мазан-Батыр» [электронный ресурс] // Нутуг.ру: сайт Калмыцкого общественного фонда «Национальное достояние». URL: <http://www.nutug.ru/kulitura/pesni.htm> (дата обращения: 10.10.2017).
- Осорин 2015 — *Осорин У.* Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сравнительно-сопоставительный анализ. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 188 с. (на калм. яз.)
- Очиров 2001 — *Очиров Н.* Отчет о поездке Н. Очирова к астраханским калмыкам летом 1909 года // Номто Очиров: жизнь и судьба. Ч. II / вступ. ст. А. В. Бадмаева. Элиста: Мин-во образования и науки РК, 2001. С. 63–76.
- Очиров 2006 — Живая старина = Мөңк дееж: из литературного наследия / Номто Очиров; сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 397 с.
- Письменные памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., перев. со старописьм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Позднеев 1880 — *Позднеев А. М.* Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1: Народные песни монголов: с приложением примечаний о характере народной песенной поэзии монгольских племен, стихотворениях литературных и приемах стихосложения у монголов. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. [4], VI, 347 с.
- Рыбаков 1897 — *Рыбаков С. Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. VIII, 330 с.
- Санчиров 1990 — *Санчиров В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 138 с.
- Сенглеев 2019 — *Сенглеев Б. Ю.* Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019. 234 с.
- Успенский 2001 — *Успенский В. Л.* Ойратские рукописи, поступившие в Санкт-Петербургский университет от К. Ф. Голстунского // Mongolica-V: сб. ст. / сост. И. В. Кульганек, отв. ред. С. Г. Кляшторный. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 18–20.
- Хорло 1989 — *Хорло П.* Народная песенная поэзия монголов (Проблема жанрового состава). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1989. 150 с.
- Яцковская 1988 — *Яцковская К. Н.* Народные песни монголов. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 254 с.
- Dix-huit chants 1937 — Dix-huit Chants et Poèmes Mongols. Avec notations musicales, texte mongol, commentaries et traductions. Recueillis par la princesse Nirgidma de Torhout. Et transcrits par Madame Humbert-Sauvageot. Paris: Librairie orientale Paul Geuthner, 1937. 175 p.

References

- Alekseeva P. E. (comp.) Princess Nirjidma and the Song-Book of China's Torghuts. Elista: Dzhangar, 2009. 87 p. (In Kalm. and Russ.)
- Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)

- Bitkeev N. Ts. Kalmyk Song Folklore. Elista: Dzhangar, 2005. 214 p. (In Russ.)
- Borlykova B. Kh., Menyaev B. V. The Kalmyk songs dedicated to the Oirat nobility of the 17th–18th centuries. *Mongolica*. 2022. Vol. XXV. No. 3. Pp. 51–60. (In Russ.)
- Dorjtseren B., Ganbold M. Galdamba: Songs, Legends. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2018. 128 p. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. The Review of the Journey into the Kalmyk Steppe during the Summer of 1886 (Edition, foreword & commentaries by S. S. Sabrukova). In: *Mongolica*–XII. Collected papers. In memoriam [Prof.] Boris Ya. Vladimirtsov (1884–1931). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014. Pp. 75–85. (In Russ.)
- Ikh Tsaaz (The Great Code of Laws): A 17th-Century Monument of Mongolian Feudal Law. S. Dylykov (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1981. 148 p. (In Russ.)
- Keldybekov M. B. Zhangir-khan's role in the struggle of the Kazakh and Kyrgyz peoples against the Dzungarian Invasion. *Izvestiya of Altai State University*. 2022. No. 5 (127). Pp. 68–72. (In Russ.)
- Khorlo P. Folk Song Poetry of Mongols: Genre Structure Revisited. Novosibirsk: Nauka, 1989. 150 p. (In Russ.)
- Legends of Baatar Galdamba. *Khan tenger setgüül*. 1989. No. 1. Pp. 20–31. (In Oir.)
- Lytkin G. S. Materials for a history of the Oirats. In: Badmaev A. V. (comp., ed.) *The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. Pp. 390–441, 453–468. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I., Dzhambinova R. A. (eds.) *History of Kalmyk Literature*. Vol. 1: Pre-October Period. Elista: Kalmykia Book Publ., 1981. 335 p. (In Russ.)
- Mirzaeva S. V. Luzang-Shunu, Galdama and Amursana — noyons of the Dzungar Khanate. In: Bakaeva E. P., Orlova K. V., Muzraeva D. N. et al. *Cross-Border Culture: Comparative Research Essays on Traditions of Western Mongols and Kalmyks*. Monograph. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. Pp. 313–344. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In kalm. and Russ.)
- Noosan U. The Legend of Baatar Galdma. *Khalmg ünn*. 1994, May 9. P. 4. (In Kalm.)
- Norbo. Zaya-Pandita: Biographical Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)
- Norbu Sh. The Story of Baatar Galdma. *Khalmg ünn*. 1994, December 23. P. 4. (In Kalm.)
- Ochirov N. Report on the Summer 1909 Journey to Astrakhan Kalmyks. In: Badmaev A. V. et al. (eds.) *Nomto Ochirov: Life and Fate*. Part 2. Elista: Kalmykia Ministry of Education and Science (Russia), 2001. Pp. 63–76. (In Russ.)
- Ochirov N. The Living Antiques: Literary Pieces by Nomto Ochirov. B. Bicheev (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. 397 p. (In Russ.)
- Okonov B. B. 17th/18th-century Kalmyk historical folk songs: 'Galdama', 'Mazan-Baatar', 'Shuna-Baatar', 'Why Did Ubashi Abandon Us to the Mercy of Fate?'. In: *Kalmyk Song Poetry*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1984. Pp. 30–58. (In Kalm. and Russ.)
- Okonov B. B. 17th/18th-century Kalmyk historical folk songs: 'Galdama', 'Mazan-Baatar'. On: Nutug.ru — Kalmyk National Heritage Non-Governmental Foundation (website). Available at: <http://www.nutug.ru/kultura/pesni.htm> (accessed: 10 October 2017). (In Russ. and Kalm.)
- Osorin U. Myths, Legends and Tales of Xinjiang Oirats and Kalmyks: A Comparative Analysis. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. 188 p. (In Kalm.)
- Pozdnev A. M. Folk Literary Pieces of Mongols. Vol. 1: Folk Songs of Mongols Supplemented with Notes on Essentials of Mongolian Folk Poetry, Literary Poems, and Versification Tools. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. [4], VI, 347 p. (In Russ.)
- Pyurbayev G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. In 4 vols. Vol. 4: X–Я. Moscow: Academia, 2002. 501 p. (In Mong. and Russ.)
- Rybakov S. G. Music and Songs of Ural Muslims [Supplemented] with an Essay on Their Household Life. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1897. VIII, 330 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. (comp., text prep., etc.) *Writings on Oirat History: 17th–18th Centuries*. V. Tepkeev (ed.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 270 p. (In Oir., Mong. and Russ.)
- Sanchirov V. P. *Iletkhele Shastir as a Source in Oirat History*. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 138 p. (In Russ.)
- Sengileev B. Yu. Kalmyk Historical Tales and Legends about Baatar Mazan: An Epic Biography. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2019. 234 p. (In Russ.)
- Torhout N. de (comp.) *Dix-huit Chants et Poèmes Mongols*. Avec notations musicales, texte

- mongol, commentaries et traductions. Recueillis par la princesse Nirgidma de Torhout. Et transcrits par Madame Humbert-Sauvageot. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1937. 175 p. (In Fr.)
- Uspensky V. L. Oirat manuscripts delivered to St. Petersburg University by K. F. Golstunsky. In: *Mongolica-V. Collected papers*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. Pp. 18–20. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Images of Mongolian Literature. In: Vladimirtsov B. Ya. *Writings on Mongolian Linguistics*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. Pp. 142–355. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Images of Mongolian Literature. Leningrad: Yenukidze Institute of Living Oriental Languages, 1926. 2, XII, 202 p. (In Russ.)
- Wang G. Ch. Oirat Traditional Music Culture. Elista: Gerel, 2012. 263 p. (In Russ.)
- Yatskovskaya K. N. Folk Songs of Mongols. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. 254 p. (In Russ.)
- Yermachenko I. S. 17th-Century Policies of the Manchu Qing Dynasty in Southern and Northern Mongolia. Moscow: Nauka — GRVL, 1974. 196 p. (In Russ.)

